

УДК. 130.2

DOI: 10.17223/1998863X/46/10

С.Н. Оводова

ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ОПТИКИ В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ¹

Под влиянием постколониальных исследований происходит трансформация теории диалога культур в философии культуры. Сформулированные М.М. Бахтиным и В.С. Библером ключевые концепты (понимание Другого, бытие на границе культуры, полифоничность, амбивалентность) получают новое прочтение. Осмысление диалога культур как взаимодействия равнозначных культур отвергается, акцент переносится на периферийные практики отстаивания угнетенными культурами независимости и идентичности.

Ключевые слова: культура, диалог, глобальное, локальное, постколониальные исследования.

Дискурс «глобального» и «локального» оказывает существенное влияние на современную философию и теорию культуры, что находит отражение в вопросах о транснациональной истории, взаимовлиянии культур, принципах консолидации локальных культур в глобальном мире, судьбе национальной культуры, выражающейся в нарративе нации и т.п.

Тема диалога культур является для философии и теории культуры «классической» и осмысливается уже не одним поколением исследователей. Возможность или невозможность взаимопонимания между культурами, различие языковых картин мира, дискурсивная обусловленность восприятия, доминирование и подчинение – эти вопросы попадали в поле зрения разных философов на протяжении всего XX в. Как отмечает В.И. Разумов, в связи с актуализацией новых средств коммуникации, порождающих новые формы субъектности, актуальным для современного философского знания стало переосмысление социального неравенства [1. С. 93].

Теория диалога М.М. Бахтина в свое время повлияла на понимание принципов взаимодействия культур в отечественной и зарубежной науке. Возрастающая роль дискурса «глобального» и «локального» в философии и теории культуры сопряжена с актуализацией в современных социально-гуманитарных исследованиях постколониального дискурса, акцентирующего внимание на принципах взаимодействия культур, как в исторической перспективе, так и в современной ситуации. В связи с этим необходимо обратиться к теории диалога культур, разработанной М.М. Бахтиным и В.С. Библером, для переосмысления ряда ее положений. Наша работа будет построена вокруг осмысления ключевых элементов теории диалога культур, выявим, как под влиянием *postcolonial studies* в философии культуры трансформировалось понимание диалога культур.

Концепция диалога М.М. Бахтина выстроена на литературоведческом материале, однако выводы могут быть транслированы на культуру в целом, а

¹ Исследование проводилось при поддержке гранта Президента РФ, проект МК-6373.2018.6.

не только на отдельные произведения. Диалог у Бахтина может осуществляться между героем и автором романа, между героями, между читателем и автором, между разными уровнями культуры. Главным является осознание несводимости их позиций, их одновременное сосуществование. Смысл диалога в том, чтобы постоянно пребывать в актуальном состоянии, что требует возобновления диалога, быть в диалоге – значит быть в преддверии диалога, так как диалог характеризуется принципиальной незавершенностью. Участники диалога обращены вовне, их бытие представляет собой «бытие на грани», вне этой направленности на Другого бытия в принципе не может быть. Диалог есть возможность самоопределения, именно в диалоге, на грани с Другим происходит формирование участников диалога. Самоопределение возможно только через ощущение своей границы, предела, поэтому диалог выступает в качестве механизма непрекращающегося самообразования и самосознания. Диалог рассматривается Бахтиным на разных уровнях: на уровне культуры, на уровне произведения и на уровне слова. Постулируется вариативность использования этого понятия, диалогизм не замыкается на творчестве Ф.М. Достоевского или Ф. Рабле, а размыкается по направлению к универсальности. Идея диалогизма, полифоничности и амбивалентности как принципов и даже в некоторой степени методологии в дальнейшем развивалась во многих работах, но наиболее ярко представлена в трудах В.С. Библера и Ю. Кристевой.

Библер свою концепцию диалога выстраивает, отталкиваясь от идей М.М. Бахтина и Г.В.Ф. Гегеля. Данные фигуры являются гранями, формирующими смысловое поле диалогизма Библера. Диалог не только тема философии Библера, но и способ организации композиции текста. Понимание участников диалога как принципиально несводимых друг к другу, признание ценности обладания ими своеобразной логикой и подчеркивание невозможности завершения диалога – это те идеи Бахтина, которые, преломляясь, истолковываются Библером в нечто иное – в логику диалога культур. Диалог культур, по Библеру, начинает приобретать форму драматического произведения, когда возможно общение, но никак не обобщение участников диалога. Диалог позволяет сосуществовать в едином пространстве разным логикам, не приводя их при этом к общему знаменателю. Каждая логика своеобразна и в этой своей единичности приближается к произведению искусства, поэтому диалог культур, диалог произведений, диалог логик есть пространство, внутри которого возможно со-бытие. Данная форма мышления не предполагает синтеза, все своеобразие данного подхода заключается в признании плюрализма (но не релятивизма) и попытке создания модели развития множественности: «каждое из моих «Я» (внутренних собеседников) обладает своей собственной логикой – не «худшей», не «лучшей», не более «истинной», чем логика «другого Я». Но вместе с тем здесь не требуется никакой «металогик» (которая стояла бы где-то над моим спором с самим собой). Не требуется, поскольку само бытие моей логики – в качестве диалогик – определяет ее постоянное развитие: в ответ на реплику внутреннего собеседника «Я» развиваю и коренным образом трансформирую, совершенствую «свою» аргументацию, но то же самое происходит с логикой моего «другого Я» (alter ego)» [2. С. 41]. На формирование концепции диалога логик культур Библера кроме Бахтина повлиял Гегель, который всю историю понимает как эволю-

ционную лестницу культур и самосовершенствования абсолютного духа. Все эпохи и культуры выстраиваются в некую единую линию, каждому участнику внутри нее отведено свое место. Каждая новая ступень данной эволюционной лестницы представляет собой более совершенный этап по сравнению с предыдущей традицией. Направление движения и цель развития едины для всех, различие состоит лишь в том, на каком отрезке данного пути находится та или иная культура, что делает возможным оценивать и ранжировать культуры. Очевидно, что критерий оценки также имеет в своем основании некоторую логику, значит, предполагается возможность превалирования и доминирования одной логики над остальными.

Монологичность гегелевского подхода к истории культур задолго до В. Библера критиковал О. Шпенглер. Он постулировал отказ от эволюционно-гегельянского подхода к истории культур и писал о герметичности и локальности культур в своем знаменитом труде «Закат Европы» [3]. Гегель признавал возможность единства культурного развития, однако размещал культуры на умозрительных ступенях единой лестницы, ведущей к апогею самоосуществления абсолютного духа [4]. Шпенглер критикует существующее до него представление о том, что Западная Европа представляет собой центр, вокруг которого выстраиваются остальные культуры. Провозглашенный Гегелем «глобальный» подход отвергается «локальным» подходом Шпенглера. Признавая уникальность и самобытность культур, Шпенглер вместе с тем признает невозможность единой глобальной истории культуры, так как основания единения ставятся им под сомнение. С одной стороны, Шпенглер признает ценностное равенство культур, они разнозначные участники диалога, ни одна из культур не может главенствовать над другой и задавать матрицу восприятия другой культуре. С другой стороны, условное «общение» культур затруднено, так как каждая культура в полной мере может «раскрыться» только своему носителю, а для представителя иной культуры будет набором штампов и стереотипов, вырванных из контекста. Глобальная история для Шпенглера предстает как множество историй локальных культур, несводимых друг к другу. Шпенглер еще не руководствуется постколониальным подходом, но уже замечает наличие смещения акцентов в сторону Западной Европы при сопоставлении и теоретическом описании разных культур европейцами. В отличие от Шпенглера Библиер видит возможным говорить о едином пространстве диалога культур, который выстроен по принципу драматического произведения, где каждая реплика значима и необходима для всего строя произведения.

Библиер, так же как и Шпенглер, критикует эволюционный, монологичный подход Гегеля к истории культуры, но опирается на гегелевскую идею самосознания и рефлексии, которую он кладет в основание диалога культур. Рефлексия представителями культуры своих оснований является для Библиера критерием эффективности и возможности диалога культур. Библиер сопрягает подход Бахтина, представляющий собой неконтролируемый диалог с акцентом на принципиальной незавершенности, и подход Гегеля. Такое сопряжение необходимо для Библиера, так как он пытается ограничить, направить, сделать продуктивным неконтролируемый, спонтанный, постоянно длящийся диалог культур Бахтина, что осуществляется Библиером в идее диалога куль-

тур как диалога логик: «Диалог культур возможен лишь тогда, когда сама культура понимается – в пределе – в своем логическом начале» [5. С. 210].

Таким образом, Библер сужает понятие диалога, так как диалог логик культур – это диалог в пространстве интеллектуальной культуры. За скобки выносятся культурные практики, где в процессе коммуникации нет выхода на уровень логического обоснования своей позиции. Однако в реальной ситуации диалог культур разворачивается не только в пространстве интеллектуальных матриц, но и в маргинальном пограничье, где существуют вытесненные на периферию представители угнетенной культуры. Вслед за Бахтиным и Библером представители постколониальных исследований обращают внимание на границы культур, на пространства ментальных стыков, но пограничье осмысливается *postcolonial studies* не только как пространство становления самосознания в процессе диалога с представителем другой культуры, но и как место маргинальности и угнетения.

Постколониальные исследования занимают критическую позицию по отношению к ставшим привычными концептам Востока и Запада, к концептам нации, гендера, расы, империи, колонии. Взгляд исследователя концентрируется на наличии угнетения и доминирования. В рамках постколониальной оптики становится невозможным разговор о диалоге культур как о пространстве коммуникации равнозначных сторон. Появление постколониального дискурса в социально-гуманитарных науках сопряжено с фиксацией иллюзии равного диалога. Концепты Другого, границы культур, полифоничности и дискурсивности проблематизируются.

У Бахтина и Библера Другой равен «Я», они равнозначны и равноценны в пространстве диалога, признается важность развития каждой из логик, участвующих в диалоге, при этом ни одна из логик не превалирует. Однако в постколониальных исследованиях доказывается, что Другой либо принадлежит колониальному и, следовательно, маргинален, вытесняем и угнетаем, либо Другой – это представитель доминирующей силы, а значит, своей целью в процессе взаимодействия он видит насаждение своего властного порядка. Как отмечает Г. Спивак, субалтерн не может быть равноценным участником диалога, так как его позиция не репрезентирована в дискурсе [6]. Если от имени субалтернов говорит социальный институт, то он не использует нарратив угнетенных, а конструирует язык, соответствующий собственным потребностям. В колониальной и имперской ситуации диалог на равных затруднителен.

Для Бахтина и Библера граница – это пространство бытия культуры: «Культура есть там, где есть две культуры <...> Культура – это грань культур, момент их взаимоначинания и взаимостановления как культуры» [5. С. 234]. Для постколониальных исследователей понятие границы культур также является значимым, но это место появления гибридных культур, которые являются продуктом и колониальной (угнетенной) и имперской (доминирующей) культур одновременно. «Собрания изгнанников, *émigrés* и беженцев, встречающихся на грани «чужих» культур; собрания на приграничных полосах; собрания в гетто или кафе городских центров; собрания в полураспаде, полумраке чужих языков или в сверхъестественном владении языком другого; накопления знаков одобрения и приязни, степеней, дискурсов, дисциплин; собрания воспоминаний об экономической отсталости, о других мирах, в которых жили задним числом» [7. С. 68]. Понятие гибрид-

ной культуры вводит в своих работах Х. Баба. Формирование таких культур происходит на границе с доминирующей и колонизируемой культурой. В ходе колонизации коренная культура вынужденно трансформируется, подстраиваясь под культуру империи. Вновь сформированная культура отличается и от культуры метрополии, и от исконной культуры, она приобретает черты гибридности, так как формируется на стыке двух культур в пространстве диалога и подавления.

Бахтин и Библер целью диалога видят понимание Другого, осознание своей самости, формулирование своей логики. В ситуации бытия на грани угнетенная культура, конечно, вынужденно начинает осознавать свою самость, которая является причиной вытеснения представителей этой культуры на периферию. Такая ситуация порождает два сценария: во-первых, сохранение своей идентичности и героически агрессивное сопротивление властному дискурсу, насаждаемому извне; во-вторых, признание властной культуры и ассимиляция. При смене исследовательских оптик произошел переход от акцентуации внимания на понимании к осознанию борьбы дискурсов в диалоге культур.

Полидискурсивность диалога культур заключается в признании сосуществования несводимых друг к другу дискурсов и нарративов, каждый из которых репрезентирует отдельную идентификационную модель в культуре. Принципы взаимодействия дискурсов исследователи описывают по-разному. Библер понимал полидискурсивность как полилогичность диалога культур. Каждый дискурс обладает собственной логикой, которая осознается своими носителями в момент столкновения с логикой Другого.

Бахтин использует понятие полифоничности для описания отличительной черты поэтики Достоевского. Полифоничность предполагает особый тип представления взаимоотношений героя и автора. Возрастающая значимость Другого возвышает героя до уровня автора, таким образом уравнивая их позиции: «Герой для автора не «он» и не «я», а полноценное «ты», т.е. другое чужое полноправное «я» [8. С. 73]. Для доказательства этого положения Бахтин подробно разбирает типы двуголового слова («слово с оглядкой», «слово с лазейкой»), его интересуют механизмы соприсутствия чужих слов внутри на первый взгляд монологического высказывания. Внутри одного текста одновременно соприсутствуют несколько дискурсов, за каждым из которых стоит определенное мировоззрение. Понимание Бахтиным полифоничности текста созвучно пониманию полидискурсивности в рамках постколониальных исследований.

В нарративе о своей самости гибридная культура, сформированная на грани с иными культурами, говорит с оглядкой на доминирующую и исконную культуры. Дискурс гибридной культуры полифоничен, пограничное бытие изменяет ее, делает маргинальной для культур, под воздействием которых она образовалась. Граница культур – это не только их разделение, но и пространство их пересечения. Гибридная культура несет на себе отпечатки культур, на грани которых она формировалась, ее самость скрыта, она представляет собой симбиоз чужих смыслов. Концепт гибридной культуры позволяет не только описать особый статус культуры, возникшей в ситуации диалога, но и зафиксировать ее амбивалентный и полидискурсивный характер. Наррация гибридной культуры о своей самости демонстрирует амбива-

лентное взаимное отрицание и взаимную обусловленность минимум двух дискурсов.

Понятие амбивалентности как взаимозависимости, взаимообусловленности и одновременно взаимного отрицания нескольких культур было осмыслено Бахтиным в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса». Посредством анализа романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» Бахтин вскрывает механизмы функционирования средневековой культуры. Культура этого времени предстает не монолитным образованием, она есть неразделимое сопряжение народной смеховой и официальной культур. Разделение культуры на эти пласты является не формально-механическим, взаимодействие народной и официальной культур носит амбивалентный характер. Смех является проводником, который осуществляет переход от одного миропорядка к другому, он позволяет средневековой культуре бытийствовать. Время господства смеха – карнавал: «Карнавал – это вторая жизнь народа, организованная на начале смеха» [9. С. 13]. «Карнавал носит вселенский характер, это особое состояние всего мира, его возрождение и обновление, которому все причастны» [Там же. С. 12]. Пространство карнавала выступает местом разворачивания диалога между разными типами культур. В карнавале мир переворачивается, ставится с ног на голову, сбиваются привычные мировоззренческие координаты, законы и нормы осмеиваются, подвергаются снижению и обругиванию.

Карнавальное мироощущение и мироощущение официальное – две разные позиции, завязанные в единое целое посредством диалога. Являясь условием возможности друг друга, они организованы по разным основаниям и принципиально несводимы друг к другу. Карнавал черпает материал для осмеяния в официальности, официальность обновляется, получает возможность посмотреть на себя как на иное и возвращается в себя посредством отчуждения, – таков почти терапевтический принцип диалога между ними.

Принцип амбивалентности культур, описанный Бахтиным, постулирует многоуровневость, когда внутри одной культуры могут существовать находящиеся в диалоге разные культуры. Кажущееся доминирование официальной культуры над культурой карнавальная Бахтиным проблематизируется. Эти два уровня культуры оказываются взаимообусловленными и даже взаимосвязанными, они нуждаются друг в друге. В постколониальных исследованиях также на первый план выходит связанность культур, имеющих разную генерацию, но вынужденных существовать в одном пространстве и времени. Дискурсы «доминирующего» и «подавляемого» взаимообусловлены, поддерживая друг друга и существуя лишь в отношении противоположной культурной грани. Империя не является таковой без колоний, господствующий и подчиняющийся взаимоопределяются. Западу для осознания своей уникальности и специфики необходим образ Востока, который предстает как Другой Запада [10]. Власть Запада над Востоком порождает не только Восток, но и Запад. Вне властного доминирования невозможна субъектность подчиненного. В кантовской системе имманентное возможно постольку, поскольку есть трансцендентное, равное человеческому опыту возникает благодаря тому, что есть нечто принципиально для него непостижимое, и поэтому, говоря о самосознании гибридной культуры, что формируется под влиянием властного регулирования, мы настаиваем на определенном универсализме такого подхо-

да. Постколониальная оптика выступает своеобразным «всеобщим» для многих «особенных» маргинальных дискурсов современности. Например, для гендерной проблематики. Попытаемся воспринять сквозь данную оптику сказанное Джудит Батлер: «Регулирующая власть не просто накладывается на предшествующего ее приложению субъекта, но она же и формирует его; более того, таким эффектом обладает любая юридическая форма власти. Во-вторых, становиться субъектом, к которому применяется регулирование, означает субъективизироваться с помощью этой процедуры, то есть превращаться в субъект именно благодаря регуляции» [11]. Субъективация происходит под воздействием регулирования, т.е. обретение идентичности осуществляется в процессе соотнесения с системой нормативной регуляции. Локальная культура осознает себя как таковая только при столкновении с глобальным, тогда ею начинает осмысляться своя уникальность и самобытность.

Деконструкция и маргинальность, ключевые понятия философии Мишеля Фуко, достаточно удалены от «колониальной» темы, но постколониальная оптика позволяет рассматривать их как еще одно «особенное», оказавшее влияние на развитие «всеобщего: Во-первых, прием деконструкции, взятый у Ж. Деррида, был применен к образам и идентичностям, которые сопряжены с концептами нации, расы, Востока, Запада, империи и колонии. Во-вторых, введенный М. Фуко прием анализа институтов власти и систем подавления постколониальными исследователями транслируется в отношения господства и подчинения в культуре во множестве вариантов. Объяснительный потенциал приема Фуко позволил даже в периферийных культурах найти внутреннюю периферию. Внутренняя периферия в постколониальных исследованиях – это то, что вытесняется из современности как неактуальное. Механизмы такого вытеснения могут быть различны, от маргинализации и музеефикации до критики «цветным феминизмом» западного феминизма.

Постколониальные исследования изменяют восприятие концепции диалога культур в философии, истории и теории культуры. Используя постколониальную матрицу различий, мы не можем сказать, что диалог культур осмысляется как взаимодействие равных культур. Акцент переносится на наличие господства и подчинения и на трансформацию обеих культур в процессе взаимодействия. Граница культур становится не только местом самоопределения, но и пространством борьбы за свою идентичность.

Литература

1. Разумов В.И. Проблемы философии: прошлое, настоящее, будущее // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 89–97.
2. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М. : Политиздат, 1990. 413 с.
3. Шпенглер О. Закат Европы : Очерки морфологии мировой истории. Т. 1: Гештальт и действительность / пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьян. М. : Мысль, 1993. 663 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории / пер. А.М. Водена. СПб. : Наука, 1993. 480 с.
5. Библер В.С. На гранях логики культуры : Книга избранных очерков. М. : Русское феноменологическое общество, 1997. 440 с.
6. Spivak G.C. Can the Subaltern Speak? // Colonial Discourse and Post-Colonial Theory: A Reader / P. Williams, L. Chrisman. New York : Columbia University Press, 1994. С. 66–111.

7. Баба Х. Диссеминация: время, повествование и края современной нации / пер. с англ. И. Борисовой // Синий диван. 2005. № 6. С. 68–118.
8. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: Сов. Россия, 1979. 320 с.
9. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
10. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2016. 672 с.
11. Батлер Дж. Гендерное регулирование // Неприкосновенный запас. 2011. № 76. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2458> (дата обращения: 22.02.2018).

Svetlana N. Ovodova, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation).

E-mail: sn_ovodova@rambler.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 86–94.

DOI: 10.17223/1998863X/46/10

DIALOGUE OF CULTURES: EXPLANATORY POSSIBILITIES OF POSTCOLONIAL OPTICS IN THE PHILOSOPHY OF CULTURE

Keywords: culture; dialogue; global; local; postcolonial studies.

Postcolonial studies transform the theory of the dialogue of cultures in the philosophy of culture. The key concepts formulated by Mikhail Bakhtin and Vladimir Bibler (understanding the Other, being on the border of culture, polyphony, ambivalence) acquire a new reading. The understanding of the dialogue of cultures as the interaction of equivalent cultures is rejected. The emergence of postcolonial discourse in social and humanitarian sciences is associated with the fixation of the illusion of an equal dialogue. In postcolonial studies, the emphasis is shifted to peripheral practices of upholding the independence and identity of oppressed cultures; the existence of dominance and subordination in the communication is emphasized. Bakhtin and Bibler formulated a thesis that, in the dialogue, the logic of culture is formed and the culture realizes its own uniqueness. In postcolonial studies, this thesis is strengthened. It is recognized that culture needs to defend the right to its discourse. In postcolonial studies, the border of cultures as a space of cultural creativity is interpreted as a borderland where hybrid cultures are formed. To analyze the simultaneous existence of multiple discourses in the narrative of a hybrid culture, the author uses the concept of a polyphonic culture proposed by Bakhtin. The border of cultures is not only their division, but also the space of their intersection. A hybrid culture bears the imprint of cultures on the edges of which it was formed. A hybrid culture is a symbiosis of other people's meanings. The concept of hybrid culture allows not only to describe the special status of a culture that arose in the situation of a dialogue, but also to fix its ambivalent and polydiscursive character. The narration of a hybrid culture about one's self demonstrates the ambivalent mutual negation and mutual conditioning of a minimum of two discourses. The popularity of postcolonial discourse in social and humanitarian sciences leads to an extensive application of postcolonial methodology. Traces of imperial discourse, domination and subordination begins are searched for beyond colonial practices.

References

1. Razumov, V.I. (2017) Problems of philosophy: past, present, future. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 40. pp. 89–97.* (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/40/9
2. Bibler, V.S. (1990) *Ot naukoucheniya – k logike kul'tury: dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyy vek* [From science to the logic of culture: two philosophical introductions into the twenty-first century]. Moscow: Politizdat.
3. Spengler, O. (1993) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii* [The Decline of the West]. Vol. 1. Translated from German by K.A. Svasyan. Moscow: Mysl'.
4. Hegel, G.V.F. (1993) *Lektsii po filosofii istorii* [Lectures on the philosophy of history]. Translated from German by A.M. Vodena. St. Petersburg: Nauka.
5. Bibler, V.S. (1997) *Na granyakh logiki kul'tury. Kniga izbrannykh ocherkov* [On the verge of the logic of culture. Book of selected essays]. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo.
6. Spivak, G.C. (1994) Can the Subaltern Speak? In: Williams, P. & Chrisman, L. *Colonial Discourse and Post-Colonial Theory*. New York: Columbia University Press. pp. 66–111.

7. Baba, Kh. (2005) *DissemiNatsiya: vremya, povestvovanie i kraya sovremennoy natsii* [Dissemination: time, narration and the edges of the modern nation]. Translated from English by I. Borisova. *Siniy divan*. 6. pp. 68–118.
8. Bakhtin, M.M. (1979) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. 4th ed. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
9. Bakhtin, M.M. (1990) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Renaissance* [Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. 2nd ed. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
10. Said, E. (2016) *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western concepts of the East]. Translated from English by A.V. Govoruniv. St. Petersburg: Russkiy Mir.
11. Butler, J. (2011) *Gendernoe regulirovanie* [Gender regulation]. *Neprikosnovennyy zapas*. 76. [Online] Available from: <http://www.nlobooks.ru/node/2458>. (Accessed: 22nd February 2018).